

18+

МЫ!

Пётр Галигабаров

Мы: спустя 16 лет

Пётр Галигабаров

Мы: спустя 16 лет

<https://litres.ru/74248758>

ISBN 9785007046862

Аннотация

Культовый роман-антиутопия Евгения Ивановича Замятина «Мы» был написан в 1920 году. «Мы: спустя 16 лет» — продолжение истории Д-503, написанное через 106 лет, с бережным отношением к уникальному авторскому стилю Евгения Ивановича и в память о нём. Ура! Борос.

Содержание

Предисловие	5
Мы: спустя 16 лет	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мы: спустя 16 лет

Пётр Галигабаров

Иллюстратор Пётр Галигабаров

Дизайнер обложки Пётр Галигабаров

Корректор Ольга Васильевна Бажитова

© Пётр Галигабаров, 2026

© Пётр Галигабаров, иллюстрации, 2026

© Пётр Галигабаров, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-4686-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

9 мая 2026 года рано утром я завершил писать продолжение романа «Мы» Евгения Замятина. В обед этих же суток зашёл поздравить с минувшим днём рождения тётю Олю — старшую сестру моей мамы. Она показала мне два письма. 1941 года. Оба от брата моей бабушки Марии. «Треугольники» всю жизнь хранила его мама. Вот отрывок из первого:

«Здравствуйте, Папа, Мама, Петя, Серёжа и сестрёнка Маня.

Привет с фронта!

Во-первых строках моего письма я сообщаю, что пока жив и здоров. Всего и вам желаю.

Слушаешь как самолёты летают и бомбы летят. Вот летит бомба, гудит, а потом как рывкнет «Привет» и с пулемёта как рывкнет: «Здрасе! Здрасе!..

Ваш сын Алёша, 23.7.1941 года».

(орфография и пунктуация — авторские: война помешала полноценно закончить образование)

Вторая весточка пришла в августе того же года. Больше писем не было. Пропал без вести. Только не для матери — моей прабабушки. Она до последнего вздоха верила: «Жив!»

Какое отношение процитированное имеет к тексту, напи-

санному мною под впечатлением от романа «Мы» Евгения Замятина?

Во-первых, цепляющий язык Евгения Ивановича показался мне схожим с образными строчками моего предка про рывкающие бомбы.

Во-вторых, меня поразило совпадение. В повествовании далее тоже будет про полёт и гудение.

В-третьих, если вы читали «Мы», то знаете о силе материнской любви, понимаете, на что готова женщина ради своего ребёнка. Я про О-90. И про мою прабабушку — Евдокию, которая до последнего верила: «Жив!»

Честно признаюсь, что не планировал писать предисловие к приведённой далее повести. Хотел просто начать с: «Посвящается памяти Евгения Ивановича Замятина». 9 мая 2026 года прочёл строчки прадеда Алексея — «...летит бомба, гудит, а потом как рывкнет „Привет“ и с пулемёта как рывкнет...» — и в голове моей загудело и совпало с названием первой записи продолжения.

Мы: спустя 16 лет

*Посвящается памяти Евгения Ивановича
Замятина*

Запись 1-я: Гул. Шаг

Утро. Ещё не подойдя к ошетилившемуся в небо ржавой арматурой краю, я понял. Интуитивно, из накопленного за шестнадцать лет опыта, предчувствовал. И оказался прав. О! Как я хотел этого. Теперь-то они согласятся пойти дальше. За хребет. Туда, за противоположный горизонт. Туда, где неизвестность.

Шесть лет назад в ту загоризонтность упал он. Точнее — ОН! С рёвом исторгнутый из чрева небосвода, весь в искрящихся ошмётках, с гулом, затопившим всего меня, каждого из нас.

Помню, что стоял в воде. Река добралась до колен. Она охлаждала. Солнце не ласкало. Оно в тот полдень жалило. Пчёлы — эти оранжево-фиолетовые медоносные убийцы — как мне рассказывали, жгут так же. Меня никогда — за все годы.

Я стоял в реке с удочкой. Влага, обтекая, гладила розовые округлые колени, гладкую кожу. Как же я не люблю её такую: ранимую, нежную, безволосую. Её приходится беречь. Прятаться в тень. Носить одежду. В особо тропические дни моё

тело — это парник. Под тканью копится тепло, выступает пот, растут... Фу! Не хочу про них. В тот полдень, шесть лет назад, их у меня ещё не было. А сейчас... Не хочу!

Я удил рыбу, когда услышал гул и выскочил из реки. В укрытие размашистых листьев. Мозг действовал, как верный ангел-хранитель — про них нам рассказывали взрослые; где-то среди них — и моя мать — он автоматически спрятал меня. От чего?

Только оказавшись под навесом уцелевшей с далёких времён стены, заросшей мхом, заваленной сучьями, укрытой ветвями, я попытался увидеть источник гула. Поднял взгляд. Беззвучно закричал. Рот округлился в «Оооо». Глаза — я почувствовал это по тому, как натянулась кожа — выпучились. Разрывая синее, без хотя бы одного благодетельного облака небо, туда, за хребет, низвергалось: «Что это? Что это?!»...

После мне сказали: «Это ОН! Как в древней книге книг Бог сокрушил грешного ангела, так и сейчас — то есть тогда, шесть лет назад — Сущий наказал недостойного!» Так объявил Вождь, который был прежде. Его уже три года нет с нами. Убит. Ими.

Ох, если бы, как они, я...

Нет! Не сейчас! В настоящий момент важно, что я стою на краю. Касаясь розовокожими, грубыми пальцами ощерившейся в небо ржавой арматуры, я удостоверяюсь: «Стена сделала шаг!»

Запись 2-я: Боль. Решение.

Вековечное стекло неумолимо наползает на наши земли, сжимая кольцо жизни. На нём, незыблемом, ещё видны шрамы — швы. Они мутно-бело пенятся вверх. Они выдают место сплава. Кричат: «Шаг сделан!»

Я знаю, что следующим утром гладь будет безупречной. Новый Вождь называет это: «Зашлифуют».

Стоило мне вспомнить его — крепкого, безволосого, мудрого — чувствую тяжесть его шершавой ладони на своём плече. Поворачиваю лицо. Лоб в складках, нижняя челюсть чуть выступает вперёд. Он не рад. Он понимает, что нам нужно уходить. Так думаю я и ошибаюсь. Вождь выплёвывает приговором: «Они далеко!»

Я отворачиваюсь к куполу. Мне неприятно его прикосновение. Чувствую, как внутри всё закипает. Пузырится красным. «Развернись, схвати его за плечи и перебрось вниз!» Его лысый череп лопнет арбузной коркой. Мякоть расплескается по камням. «Нет!» Вдавливаю палец в острый шип арматуры. Боль переключает внимание. Отрезвляет. Луч солнца, отражаясь от стекла сферы, подмигивает.

Я принимаю решение.

Запись 3-я: Выкормыш. Свобода. Эй.

Я делаю вид, что согласился. Смотрю на палец. Выступила капелька крови. Нужно прижечь. Говорю Вождю, что мне необходимо спуститься к реке. Она искрящейся змеей петля-

ет внизу, подмывая, слизывая год за годом останки древнего города. В его распластанных, выцветших на солнце, обглоданных руинах, — наш дом. Уже несколько лет. Раньше мы жили ближе к Зелёной Стене, к Часовой Скрижали, к Материнским Нормам, к Благодетелю. Нам рассказывали о них, смеясь, кувыряясь от хохота, громогласно, но... Я ощущал какую-то недосказанность. Эй тоже ощущала, как она призналась мне. Однажды. Светила луна, было тепло. Эй тогда сказала: «Они смеются так, словно хотят убедить самих себя в том, что сделали правильный выбор, уйдя за Стену».

«А я? Разве я могу уйти без неё?»

Задумавшись, споткнулся. Не упал, но поднял облачко танцующей в свете зари пыли. «Осторожнее», — Вождь — в спину.

Сбежав по ступеням, до опасной пологости стёсанным временем, вышел наружу. Навстречу мне повернулись заросшие морщинами лица старух и стариков. Они почти не спят. Они несут дозор и вяжут. Научились по книгам. За годы до моего рождения.

— Нового дня, — сказал я, помахав им. Капля крови соскользнула с пальца и отлетела в сторону. Шмяк! Почва жадно впитала её.

Поскольку моя биологическая мать умерла, рожая, моё воспитание стало задачей группы. Говорят, за Стеной Единого Государства общество возвращает потомство. Как мы — цыпят. В каком-то смысле я — выкормыш коллектива.

Оставшись, если не погибну, состарюсь и стану нести свой дозор, защищая группу. Но те же старухи, лучившиеся мне радостью вдогонку, когда-то говорили: «Разница между нами и нумерами в наличии свободы выбора». Я принял решение.

«Но какой выбор сделает Эй?»

Я углубился по знакомой тропе в гущу. Нашёл взглядом их: веерообразные стебли с жёлтыми цветочками и резными листьями. Сорвал бутон. Выступил оранжевый сок. Прижёл им ранку, обеззаразив. Защищало. Зажмурился. Перетерпел.

— Вот ты где, — раздалось позади, обдав теплом.

Я обернулся, и, по мере совершения полукруга, вздёрнутые уголки губ моих растянулись в тонкую линию. Оттяни — и зазвенит натянутой струной.

— Стена сделала шаг, — сказал я.

Эй пожала плечами. Посмотрела на меня. Я позволил себе утонуть в её синих глазах и почти захлебнулся, подумав: «Как я без них?»

Запись 4-я: Секс по требованию. К НЕМУ. О-90.

Прежнего Вождя убили они. Совсем одичали. Хотели разбавить густую, неприрученную кровь, волосатую кровь женщинами из-за Стены. Примчались на лоснящихся конях. Они были голые, косматые, с надвинутыми на глаза бровями. Их Главный говорил мягко, с каждым словом всё твердея, раздувая ноздри. Обычно наши женщины — хотя непра-

вильно говорить «наши», ведь они сами себе — некоторые из них с готовностью шли с первыми людьми. Их прельщала — это слово употребила одна из старух, когда была моложе и рассказывала нам историю мира — первозданность, мохнатая страсть вороных, белотелых, сивых, в гречке, самцов. Но три года назад их Главный не хотел добровольно согласных, он увидел Эй. Он ткнул в неё волосатым пальцем. Он требовал. И тогда...

— О чём задумался? — «разбудила» меня девушка.

— Стена сделала шаг, и я думал, что мы тоже уйдём.

— Ты опять за старое, — отозвалась, всплеснув розовыми, округлыми руками.

— Я решил. Я уйду. Не желаю ждать, видеть приближение Стены.

— Мне можешь не врать. Я прекрасно знаю, что ты не спасаешься от них, — Эй мотнула головой в сторону купола из векового стекла, разметав белые волосы по дебелим плечам. Глаза мои сузились в щёлочки с хитринкой, проступила улыбка. Невольно.

Эй стянула губы в жгут. Нахмурилась. Подпёрла бока. Точно так, как в то пришествие первых людей. Она смотрела на меня, прожигая. Ровно так, как до боя прежнего Вождя с Главным, заросшим серой шерстью везде, кроме ладоней и омерзительно-розовых сосков, похожих на расплюснутых жуков-полосатиков. Эй сдалась, и в том было отличие от ситуации с диким племенем. Она заулыбалась и сказала:

— Ты не убегаешь от них, ты хочешь к НЕМУ. ОН до сих пор гудит в твоей голове.

Я кивнул. Кругом права.

— Пойдём вместе, — предложил я, как учили: без нажима, чтобы ощущался воздух возможности выбора. Вероятно, стоило вопросительно: «Пойдём вместе?». Слово не воробей. Не воротишь.

— Нет. Я останусь с ними, с ним.

Я понимал, о ком речь. Новый Вождь стал её мужчиной после той битвы. Не по праву сильного — по её волеизъявлению. Он стоял, подпирая обутыми в мягкие, вулканизированные ботинки ногами, ещё не остывшее космато-серое тело, буряющее от пролитой крови. В двух шагах позади него лежал убитый дикими, прозрачно-глянцевый его отец. И ещё несколько мертвецов: голых, волосатых. Он стоял и тяжело, шумно дышал. Эй подбежала и прижалась к его мускулистой ноге. Его пот смешался с её слезами. Она сделала выбор.

— Ты знай, что он не хочет рисковать нами, — сказала си-неглазка и положила ладони — как я не замечал — на округлившийся, весь в кольцах, под натянутой тканью живот.

— Это не должно тебя останавливать, — продолжила Эй.

Я не мог сдержать эмоций. Приблизился. Положил правую ладонь ей на голову и притянул к своей груди. Я заплакал. Говорят, что мать тоже умела так расхлябаться. Хорошо ли, что этим я похож на «милую О» — так её звали. О-90.

Запись 5-я: Не конспект. ЕІ. Без «если». Второй день пути.

Вероятно, вы — мои читатели — листая эти записи, думаете: «Когда он успел?» Признаюсь, что конспект... Стоп, буду конкретнее — это не систематизация внешней объективной информации, а мои личные переживания, воспоминания, мысли. Это субъективно и эмоционально. Значит, это мой дневник.

Нет ничего уникального в моей способности отделить конспект от дневника. Всё-таки, хоть я и появился на свет в лесах за Стеной, обучали меня беглецы из-за Стекла. Они признали пользу систематизации, обучения, труда. Они ощутили своей безволосой кожей — кроме головы, конечно, на голове — и кудри, и гладкие, и седина — «на собственной шкуре» — смысл языка, каллиграфии, правил... Ладно, не об этом сейчас. Я начал с другого.

Дневник я веду нерегулярно. Лишь когда есть возможность. И сейчас она имеется. В настоящий момент я сижу на крыше уцелевшего древнего дома, единственного, обнаруженного мною в зарослях леса, ближе к хребту. С момента, когда Стена сделала шаг, прошло два дня. Я ушёл под покровом ночи и не оглядывался. Только в мыслях. Мне сложно без них, без Эй и синевы её глаз.

Меня учили различать. В мире за Стеной считают, что эмоциональный интеллект важнее жёстких требований и интеллекта, определённости стерильной жизни. «Пусть вечное

сияние чистого разума побеждает там», — такая поговорка есть у старух и стариков. Следовательно, есть и в моём «багаже». Потому я различаю грусть от потери привычного. Потери Эй. Мне без неё тоскливо, но её жизнь — это её ценность, как и её свобода, как духовная и семейная — с Вождём — стезя. Её выбор — её ответственность.

Ну вот. Слёзы. Опять. Теперь в дневнике будет несколько чернильных пятен.

Я слышу лязгающе-рычащие звуки. Они доносятся из открытого люка, через который я вышел на крышу. Допишу потом, если... Без «если»!

Запись 41-я. Конспект: СТАРТ. СПОРЫ. ЦЕЛЬ.

Температура воздуха в норме. Небо ясное, вероятность осадков 0%. Скорость и направление ветра в норме. Вольт на метр в норме. Старт разрешён.

Сегодня 10-я годовщина победы Единого Государства над эпидемией «Ф». Официальная формулировка: «Победа Медицинского Бюро Единого Государства над Последствиями Массового Заражения Нумеров фантазией» или ПМБЕГ-ПМЗН «ф». Именно так. С маленькой буквы. Ничтожно мала «ф» в сравнении с мощью векового Единого Государства.

Сегодня восстановленный после повреждений, полученных вследствие МЗН «ф», «ИНТЕГРАЛ-2» ворвётся в мировое пространство.

Сегодня споры счастья разумного существования размножатся.

Думаю, я должен написать так: «СЕГОДНЯ СПОРЫ СЧАСТЬЯ РАЗУМНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ РАЗМНОЖАТСЯ!»

Примечание: Я, Д-503, возобновил ведение конспекта по личному поручению милосердного Благодетеля. Цель — отражать и передавать факты. Наши технологии шагнули вперёд. Преобразовывая материальные изображения или надписи на бумаге в цифровые данные и звуковые сигналы, мы можем перенаправлять информацию по телефонным линиям и воспроизводить физические копии. Таким образом Благодетель будет получать от меня объективные данные ежедневно. В 17:00 по Часовой Скрижали. Для всех пассажиров «ИНТЕГРАЛА-2» наполнение часов земной орбиты Единого Государства пересмотрено с учётом функциональных обязанностей Новой Космической Орбиты.

Запись 42-я. Конспект: ВНЕПЛАНОВОЕ.

Они — так полагается о «них», с маленькой буквы — взорвали систему управления. Наведение, стабилизация, коррекция полёта невозможны. Видимость сквозь стены отсека 5%: стекло в плотном, запёкшемся — предполагаю, от высокой температуры внутри куба — буром — это их кровь, поскольку пронести на борт краску они бы не смогли...

Запись 6-я: Страх. Тварь. Бегство.

Страх. Он предупреждает. «Опасность! Опасность!». Мурашками по телу, расширением зрачков, обострением слуха. Он может спасти. И убить! Если страх берёт верх над тобой — ты покойник... или раб. Прежний Вождь говорил: «Нумера приковали себя к идее, будто счастье в предсказуемости жизни, в предопределённости. Революционеры пригвоздили себя к иллюзии, будто только их путь правильный и каждый обязан идти их дорогой. Мы, ушедшие за Стену, взяли страх за руку и шагнули в неизвестность».

Я пишу это и ощущаю резь в плече.словно с каждым вдохом под кожу загоняют иглу. Страх кричит: «Перестань! Брось дневник, или мы умрём!» Я не верю ему.

«Я тебе не верю!» — закричал, стоя на поляне холма и глядя на смотрящие на меня звёзды. Это было глупо. Вот так орать. Напугав птиц. Всполошив, заставив сорваться с ветвей утонувших во тьме деревьев. Это было неосмотрительно. Согласен. Но мне требовался выход. После пережитой схватки, бегства. Такого: лёгкие болят, горло саднит, икры сводит судорогой, в плечо вонзается игла.

Догадываюсь, вам — мои читатели — не совсем понятно. Совершенно не понятно, о чём речь.

Помните, я слышал лязгающе-рычащие звуки. Они доносились из открытого люка, через который я вышел на крышу. Сквозь его распахнутые в небо объятия вылезло и оно. Подобной твари не встречалось в наших местах. На территории

видимости Стены. Если попытаться описать — а я попробую — ближе к дождевому червю с множеством лапок-волосков. Они и лязгали, соприкасаясь твёрдыми натёртостями со стенами дома. Что рычало? Предположу — жабры. Я заметил выделявшиеся белым на прозрачно-розовой плоти пластинки в ряд. Они колыхались, издавая звук: «Рrrrrrrrr!».

К моменту, когда тварь наполовину показалась из отверстия, я уже сидел за каменным блоком в шаге от люка. Я держал нож в руке. Страх обострил мои органы чувств. Не сковал. Усилил.

Когда с хитиновым лязгом тварь добралась до места, на котором я начал вести записи — те самые, что продолжаю сейчас — голос внутри меня шепнул: «Ты, беги!».

Как можно спокойнее, тихими стопами, шагнул к развёрзнутому вверх проёму. «Рrrrrrrrr», — пророкотало существо, поворачивая ко мне округлую, тошнотворную морду. Я занёс ногу над отверстием в полу. Тварь метнулась ко мне. Нож вонзился. Скорлупа поддалась, треснула. Рычание перешло на высокие частоты. Лапки-волоски шваркнули по коже, соскребая лоскуты. Помню, что вскрикнул, ныряя вниз. Помню, проверил наличие ножа. Помню, нёсся, словно падал, по лестнице, а позади — лязг и скрежет. Сыпались древние камни, выюжил белый порошок, песок, труха истлевших, выросших и умерших внутри дома растений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.